

РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И КОМИТЕТА ПРОТИВ ПЫТОК В СОЗДАНИИ ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ ДЛЯ СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПА НЕВЫСЫЛКИ

Наталья Карканица

Принцип запрета высылки *non-refoulement*, признается международным сообществом в качестве «краеугольного камня права беженцев» [31]. Кроме того, институт невысылки получил свое развитие в международных документах по правам человека, таких как Всеобщая декларация прав человека 1948 г. [1], Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. [5], Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. [6]. Широкое закрепление принципа невысылки свидетельствует о том, что он вышел за рамки права беженцев и стал признаваться эффективным средством защиты в международном праве в целом [7, с. 22]. Наиболее важной особенностью принципа невысылки в праве прав человека стало то, что он распространяется на всех лиц, независимо от конвенционного определения беженца, а также не предусматривает исключений, основанных на соображениях национальной безопасности и общественного порядка.

Тем не менее, осуществление защиты от высылки на практике во многом зависит от уровня контроля действий государств на международной арене. Желание государств не допустить большое количество лиц, ищущих убежища, на свою территорию привело к появлению новой концепции — *neo-refoulement*, которую некоторые страны пытаются применять, заявляя об отсутствии нарушения ими обязательств по невысылке [22]. К некоторым проявлениям концепции *neo-refoulement* можно отнести размещение мигрантов в центрах содержания на островах и их возвращение в третьи безопасные страны, а также передачу государственных функций пограничных органов частным корпорациям. Таким образом, актуальным остается ответ на вопросы о том, какова роль принципа *non-refoulement* сегодня и так ли эффективна защита, предоставляемая в рамках данного принципа?

Принцип невысылки широко изучался в работах таких исследователей, как Г. С. Гудвин-Гилл [2], Л. В. Павлова и А. В. Селиванов [7],

Дж. С. Хэтэуэй [8], Э. Лаутерпахт и Д. Бетле-хем [28], А. Зиммерманн [32]. В то же время эффективность защиты принципа невысылки такими международными органами, как Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) и Комитет против пыток (далее — Комитет), не была рассмотрена комплексно, хотя отдельные ее аспекты нашли отражение в трудах Ж. Доерфеля [15], Э. Ламберт [23], Н. Моле [24]. Цель данной статьи — не только оценить эффективность защиты принципа невысылки в решениях ЕСПЧ и заключениях Комитета, но и сравнить деятельность вышеназванных международных органов, учитывая их современную практику в этой сфере.

Практика Европейского суда по правам человека в сфере защиты принципа невысылки

На протяжении веков Европа привлекает значительное число мигрантов. Поэтому одной из основных причин создания Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев в 1950 г. было решение проблемы беженцев в Европе, сложившейся после Второй мировой войны. В то же время в Европе был принят основной документ по правам человека — Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — ЕКПЧ), которая, тем не менее, не содержит прямого закрепления прав беженцев, хотя и признается одним из наиболее эффективных международных механизмов защиты прав человека [4].

Сегодня перед ЕСПЧ стоит сложная задача защиты прав лиц, ищущих убежища, в том числе и обеспечения гарантий соблюдения принципа невысылки. Данная цель становится все более актуальной, учитывая возросшее количество ходатайств о защите, с которыми сталкиваются европейские страны в последнее время, в том числе из-за продолжительной войны в Сирии, а также всплеск конфликтов в африканских странах. Следует отметить, что подобные обстоятельства неизбежно влияют на все

Автор:

Карканица Наталья Викторовна — выпускница магистратуры по специальности «Юриспруденция» факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Вашкевич Александр Евгеньевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Барковский Игорь Александрович — кандидат юридических наук, заместитель начальника отдела референтного обеспечения деятельности Председателя Исполнительного комитета — исполнительного секретаря Содружества Независимых Государств

большее ограничение прав человека со стороны государств по соображениям национальной безопасности.

Решения Европейского суда базируются на нарушениях статьи 3 ЕКПЧ, согласно которой «никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию». Важным является тот факт, что статья 3 применительно к делам о недопущении высылки имеет экстра-территориальное действие [27, р. 179], а также, согласно статье 15 ЕКПЧ, носит абсолютный характер и не допускает отступлений. Более того, именно данная статья предоставляет нуждающимся в убежище то, что в определенный момент для них равносильно выживанию — право нахождения на территории государства. Несмотря на то, что Европейская конвенция имеет региональный характер, статья 3 трактуется судом универсально: как обеспечивающая эффективное средство защиты против всех форм принудительного возвращения туда, где лицо может быть подвергнуто пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию [33].

Европейский суд по правам человека впервые детально рассмотрел применение статьи 3 ЕКПЧ для запрета высылки в деле *Soering v. UK* 1989 г., где подчеркнул возможность применения Европейской конвенции в подобных делах, несмотря на существование специализированных международных документов, таких как Конвенция ООН о статусе беженцев 1951 г. и Конвенция ООН против пыток 1984 г. [11]. Вскоре после дела *Soering v. UK* ЕСПЧ вынес решение по делу *Cruz Varas v. Sweden*, где впервые была рассмотрена жалоба лица, которому было отказано в убежище [14].

В дальнейшем ЕСПЧ рассматривал дела, в которых заявлялось о нарушении статьи 3 ЕКПЧ в связи с невозможностью получения квалифицированной медицинской помощи после высылки (в деле *D. v. UK* 1997 г. [16]) или из-за ситуации общего насилия в стране (в деле *N. v. UK* 2008 г. [25]).

По делу *D. v. UK* ЕСПЧ вынес положительное для заявителя решение, запретив его высылку в Сент-Китс на том основании, что заявитель находился в терминальной стадии СПИДа. Однако в шести последующих делах ЕСПЧ постановил о неприемлемости жалоб от ВИЧ-положительных заявителей из Танзании, Того, Замбии, Колумбии и Уганды, в каждой из которых уровень жестокости обращения, по мнению суда, не достигал порога, установленного делом *D. v. UK* [24, р. 45].

Большое значение для трактовки принципа невысылки имело решение по делу *Chahal v. UK* 1996 г., в котором ЕСПЧ утвердил абсолютный характер статьи 3 и невозможность отступления от нее даже в ситуации, когда лицо совершает преступления или представляет

угрозу для национальной безопасности выслывающего государства [12]. В то же время тревожной тенденцией следует признать стремление государств преодолеть абсолютный характер принципа *non-refoulement* и признание приоритетности обеспечения государственной безопасности.

Так, Европейский суд на протяжении 25 лет придерживался позиции недопустимости смягчения принципа *non-refoulement* даже в случае получения гарантий от правительств государств о неприменении пыток. К сожалению, в настоящее время есть примеры отступления ЕСПЧ от своей прежней позиции. Показательным в этом плане является решение Суда 2012 г. по делу *Othman (Abu Qatada) v. UK*, в котором гарантии правительства Иордании о неприменении пыток в отношении заявителя были признаны достаточным доказательством отсутствия нарушения, предусмотренного статьей 3 ЕКПЧ в случае его возвращения. Высылка заявителя все же была запрещена, впервые на основании возможного грубого нарушения статьи 6 ЕКПЧ, права на справедливое судебное разбирательство, из-за того, что в судебном процессе против него уже использовались свидетельства, полученные с применением пыток [26].

Тем не менее, доказательством приоритетности обеспечения государственной безопасности над соблюдением прав человека стало то, что в 2013 г. власти Соединенного Королевства все же осуществили депортацию радикального проповедника Абу Катады, что было одобрено Комитетом министров Совета Европы, «учитывая заявления властей о добровольности возвращения, а также гарантии Договора о взаимной правовой помощи с Иорданией, которые направлены на недопущение использования свидетельств, полученных с применением пыток, против данного заявителя» [29].

Еще одним свидетельством преодоления абсолютного характера запрета пыток стало недавнее решение по делу *A.A.M v. Sweden* 2014 г. В нем ЕСПЧ посчитал возможным возвращение в Ирак по причине безопасности внутреннего перемещения в стране для заявителя. Данное решение было принято, несмотря на подтверждение судом того факта, что в некоторых частях страны лицо рискует подвергнуться обращению со стороны движения Аль-Каиды, которое нарушает статью 3 Конвенции [9]. Таким образом, тенденция последних решений ЕСПЧ по защите принципа невысылки вызывает обоснованные сомнения в абсолютности гарантий статьи 3.

В то же время практика суда в последние годы содержит также и примеры повышения эффективности защиты принципа невысылки. Так, в 2012 г. Европейский суд расширил территориальные обязательства государств по соблюдению принципа невысылки в своем заключении по делу *Hirsi Jamaa and Others v.*

Italy. ЕСПЧ распространил действие принципа *non-refoulement*, так же как и ответственность принимающего государства, на территорию открытого моря: Италия была признана виновной в том, что вернула незаконных мигрантов в Ливию, не дав им достичь берегов европейского государства [20].

Стоит отметить, что принцип *non-refoulement* может применяться не только в свете защиты статьи 3 ЕКПЧ, но также относительно других статей Конвенции. Так, статья 8 применима в делах, касающихся влияния высылки на единство семьи, а статья 6(1) — при «грубом отказе в правосудии» по возвращению в государство происхождения [23], хотя на практике установленный судом порог жестокости обращения в соответствии с данными статьями оказывается труднодостижимым.

Исходя из вышеизложенного следует отметить, что степень защиты принципа невысылки в решениях ЕСПЧ еще находится в стадии формирования и может быть как увеличена, так и лишена своего абсолютного характера.

Трактовка принципа невысылки в заключениях Комитета против пыток

Достаточно эффективные гарантии защиты принципа невысылки, предоставляемые ЕСПЧ, все же ограничены нахождением в одном из государств — членов Совета Европы, которые составляют 47 стран европейского региона. Тем не менее, на международном уровне существует еще один механизм защиты принципа невысылки, не ограниченный региональной компетенцией, но основывающийся на Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. [5].

Данная Конвенция в статье 17 предусматривает создание Комитета против пыток, одной из функций которого является рассмотрение индивидуальных сообщений о нарушениях Конвенции государством-участником. Первым отличием деятельности Комитета по защите принципа *non-refoulement* от аналогичной деятельности ЕСПЧ является то, что полномочия Комитета по рассмотрению индивидуальных сообщений закреплены в статье, имеющей факультативный характер, применение которой зависит от отдельного согласия государств.

По состоянию на июнь 2014 г., Конвенция против пыток была ратифицирована 155 государствами, из которых 65 признали компетенцию Комитета по рассмотрению индивидуальных сообщений [13]. С момента получения первого индивидуального сообщения в 1989 г. большинство обращений в Комитет касалось нарушения именно статьи 3 Конвенции против пыток [15, р. 84].

Вторым отличием гарантий защиты принципа *non-refoulement* в Комитете против пыток от аналогичных в ЕСПЧ является то, что ста-

тья 3 Конвенции против пыток запрещает высылку только в том случае, если человеку угрожает применение пыток, не затрагивая при этом бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание [17]. На практике такое положение приводит к тому, что Комитет не устанавливал нарушения статьи 3 Конвенции, если не доказывалось, что действия, причиняющие страдания, осуществлялись третьими лицами без ведома или с молчаливого согласия государственных властей. Так, в деле *G.R.B. v. Sweden* 1998 г. Комитет не установил нарушения статьи 3, несмотря на то, что заявители были задержаны и изнасилованы членами партии «Сендеро Луминосо», а сотрудники полиции отказались регистрировать их жалобу, что, тем не менее, не было признано Комитетом в качестве молчаливого согласия государства с указанным нарушением [19]. В деле *Sadiq Shek Elmi v. Australia* 1998 г. Комитет все же пояснил, что в отсутствие государственных структур и централизованного правления группировки, выполняющие квазигосударственные функции, могут рассматриваться как субъекты, причиняющие пытки, по смыслу статьи 1 Конвенции против пыток [30]. В дальнейшей своей практике Комитет утвердил ограничительный подход, согласно которому наличие, как минимум, переходного правительства уже исключает рассмотрение каких-либо негосударственных группировок как осуществляющих пытки по смыслу Конвенции (*H.M.H.I. v. Australia*) [21].

Следует отметить, что в своих Соображениях (официальное название заключений Комитета. — *H. K.*) Комитет против пыток признавал нарушения только в исключительных случаях с высоким порогом доказанности. Более того, Комитет часто не обращает внимания даже на информацию, представленную независимыми неправительственными организациями, Специальным докладчиком ООН по пыткам или УВКБ ООН [15, р. 95]. Показательным является также дело *B.M. v. Sweden* 2002 г., в котором Комитет не усмотрел угрозы применения пыток, несмотря на противоположные сообщения УВКБ ООН, организации «Международная амнистия» и руководителя тунисской партии «Аль-Надха». Комитет посчитал, что деятельность по сбору средств для семей задержанных членов партии носила «гуманитарный характер» и не свидетельствовала о вовлеченности в политическую активность [10].

Еще одним противоречивым аспектом в соображениях Комитета было определение времени оценки угроз. Так, в отличие от решения ЕСПЧ в деле *Vilvarajah and Others v. UK* Комитет определил в качестве момента оценки угрозы пыток не момент высылки, но события в государстве во время рассмотрения Комитетом индивидуального сообщения, что зачастую происходит через несколько лет после его подачи [3, с. 25].

В то же время нельзя не отметить положительную практику Комитета, которая заключается в приверженности абсолютному характеру запрещения высылки при наличии угрозы применения пыток. Так, начиная с дела *Gorki Ernesto Tapia Paez v. Sweden* 1997 г., Комитет придерживается позиции, что «характер деятельности, которой занималось данное лицо, не может быть существенным соображением при принятии решений на основе статьи 3 Конвенции» [18].

Что касается рассмотрения вопроса применимости принципа невысылки на границе государства, то здесь позиция Комитета совпадает с мнением ЕСПЧ. Так, Комитет при рассмотрении докладов государств заявил, что статья 3 Конвенции была бы нарушена, «если бы иностранцы, которые не удовлетворяют условиям въезда на территорию Камеруна, возвращались бы в страну, где практикуются пытки», поэтому Комитет отдельно запрашивал информацию о том, какие процедуры рассмотрения принципа невысылки существуют в государстве в том случае, если иностранцам отказано во въезде [3, с. 21].

Сравнивая эффективность деятельности Европейского суда по правам человека и Комитета против пыток, можно сделать вывод о том, что ЕСПЧ чаще становится на сторону заявителя в ущерб интересам государства, а также обладает большим организационным ресурсом для рассмотрения жалоб. Так, Комитет рассматривает индивидуальные сообщения только в ходе двух сессий в год и является наблюдательным органом, наделенным правом выносить решения только рекомен-

дательного характера, хотя и обладает компетенцией рассматривать нарушения в отношении 65 государств, что превышает компетенцию ЕСПЧ.

Материальный аспект защиты, предоставляемый Комитетом, более узкий, так как охватывает лишь предотвращение высылки в случае реальной и личной угрозы пыток, оставляя без внимания иное жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. ЕСПЧ в то же время расширил толкование принципа *non-refoulement*, усмотрев его нарушение в делах, где высылка была запрещена по гуманитарным основаниям. Как Комитет, так и ЕСПЧ могут прибегнуть к принятию временных мер с тем, чтобы предотвратить высылку до рассмотрения ее правомерности в международных органах, хотя в обоих механизмах защиты были случаи, когда такие временные меры либо не выполнялись государством, либо останавливались самими международными органами.

Таким образом, стоит прислушаться к совету Ж. Дюерфеля, который советует практикующим юристам не тратить время на Комитет, но использовать более действенные механизмы мониторинга, такие как обращение к Специальному докладчику по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания [15, р. 97]. Следует также отметить, что несмотря на ограничительную политику Европы, с которой сталкиваются беженцы на ее территории, практика Европейского суда по правам человека часто обеспечивает большую защиту от высылки, чем универсальные механизмы мониторинга.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml>. — Дата доступа: 12.04.2014.
2. Гудвин-Гилл, Г.С. Статус беженца в международном праве / Г. С. Гудвин-Гилл; пер. с англ. под ред. М. И. Левиной. — М.: ЮНИТИ, 1997. — 647 с.
3. Документы семинара Европейской юридической сети по вопросам убежища «Международный курс по Европейской конвенции по правам человека применительно к предоставлению убежища» / ELENIA. — Страсбург, 2001. — 87 с.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод, г. Рим, 1950 г., измененная и дополненная Протоколами № 11 и № 14, в сопровождении Дополнительного протокола и Протоколов № 4, 6, 7, 12 и 13 [Электронный ресурс] // Европейский суд по правам человека. — Режим доступа: <http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf>. — Дата доступа: 01.10.2014.
5. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml>. — Дата доступа: 01.10.2014.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml>. — Дата доступа: 18.05.2014.
7. Павлова, Л. В. Международно-правовой статус беженца: пособие для студентов вузов / Л. В. Павлова, А. В. Селиванов. — Минск: Тесей, 2006. — 192 с.
8. Хэтэуэй, Дж. С. Право статуса беженцев: пер. с англ. / Дж. С. Хэтэуэй; под ред. В. Масловского [и др.]. — Бишкек, 2008. — 377 с.
9. A.A.M v. Sweden: Application no. 68519/10, 3 April 2014 / European Court of Human Rights [Electronic resource] // Refworld. — Mode of access: <<http://www.refworld.org/docid/533e945d4.html>>. — Date of access: 21.03.2014.
10. B.M. v. Sweden: UN Doc. CAT/C/28/D/179/2001, 30 April 2002 [Electronic resource] // Refworld. — Mode of access: <<http://www.refworld.org/docid/3f588ec33.html>>. — Date of access: 21.03.2014.
11. Case of Soering v. The United Kingdom: Application no. 14038/88, 7 July 1989 / European Court of Human Rights [Electronic resource] // HUDOC: European Court of Human Rights. — Mode of access: <<http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?action=html&documentId=695496&portal=hbkm&source=externalbydocnumber&table=F69A27FD8FB86142BF01C1166DEA398649>>. — Date of access: 21.03.2014.
12. Chahal v. The United Kingdom: Application no. 70/1995/576/662, 15 November 1996 / Council of Europe: European Court of Human Rights [Electronic resource] // Refworld. — Mode of access: <<http://www.refworld.org/docid/3ae6b69920.html>>. — Date of access: 21.03.2014.

13. Committee Against Torture: Monitoring the prevention of torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment [Electronic resource] // United Nations Human Rights: Office of the High Commissioner for Human Rights. — Mode of access: <<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CAT/Pages/CATIntro.aspx>>. — Date of access: 25.03.2014.
14. Cruz Varas and Others v. Sweden, Application no. 46/1990/237/307, 20 March 1991 / European Court of Human Rights [Electronic resource] // Refworld. — Mode of access: <<http://www.refworld.org/docid/3ae6b6fe14.html>>. — Date of access: 21.03.2014.
15. Doerfel, J. The Convention against Torture and the Protection of Refugees / J. Doerfel // Refugee Survey Quarterly. — 2005. — Vol. 24, N 2. — P. 83–97.
16. D. v. United Kingdom: Application no. 146/1996/767/964, 2 May 1997 / Council of Europe: European Court of Human Rights [Electronic resource] // Refworld. — Mode of access: <<http://www.refworld.org/docid/46deb3452.html>>. — Date of access: 21.03.2014.
17. General Comment No. 1: Implementation of Article 3 of the Convention in the Context of Article 22 (Refolement and Communications): UN Doc. A/53/44, annex IX, 21 November 1997, / UN Committee Against Torture (CAT) [Electronic resource] // Refworld. — Mode of access: <<http://www.refworld.org/docid/453882365.html>>. — Date of access: 25.03.2014.
18. Gorki Ernesto Tapia Paez v. Sweden: UN Doc. CAT/C/18/D/39/1996, 28 April 1997 [Electronic resource] // Refworld. — Mode of access: <<http://www.refworld.org/docid/3ae6b6de10.html>>. — Date of access: 21.03.2014.
19. G.R.B. v. Sweden: UN Doc CAT/C/20/D/083/1997, 15 May 1998 [Electronic resource] // Refworld. — Mode of access: <<http://www.refworld.org/docid/3f588ee53.html>>. — Date of access: 21.03.2014.
20. Hirsi Jamaa and Others v. Italy: Application no. 27765/09, 23 February 2012 / European Court of Human Rights [Electronic resource] // Refworld. — Mode of access: <<http://www.refworld.org/docid/4f4507942.html>>. — Date of access: 21.03.2014.
21. H.M.H.I. v. Australia: UN Doc. CAT/C/28/D/177/2001, 1 May 2002 [Electronic resource] // Refworld. — Mode of access: <<http://www.refworld.org/docid/3f588ec13.html>>. — Date of access: 21.03.2014.
22. Hyndman, J. Another Brick in the Wall? Neo-Refoulement and the Externalization of Asylum by Australia and Europe / J. Hyndman, A. Mount // Government and Opposition. — 2008. — N 43. — P. 249–269.
23. Lambert, H. The European Convention on Human Rights and the Protection of Refugees: Limits and Opportunities / H. Lambert // Refugee Survey Quarterly. — 2005. — Vol. 24, N 2. — P. 39–55.
24. Mole, N. Asylum and the European Convention on Human Rights. 4th ed. / N. Mole. — Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2007. — 149 p.
25. N. v. The United Kingdom: Application no. 26565/05, 27 May 2008 / European Court of Human Rights [Electronic resource] // Refworld. — Mode of access: <<http://www.refworld.org/docid/483d0d542.html>>. — Date of access: 21.03.2014.
26. Othman (Abu Qatada) v. The United Kingdom: Application no. 8139/09, 17 January 2012 / European Court of Human Rights [Electronic resource] // Refworld. — Mode of access: <<http://www.refworld.org/docid/4f169dc62.html>>. — Date of access: 05.04.2014.
27. Ovey, C. The European Convention on Human Rights / C. Ovey, R. White. — Oxford: Clarendon Press, 2006. — 720 p.
28. Refugee protection in international law: UNHCR's global consultations on international protection / Eds. E. Feller, V. Türk, F. Nicholson. — Cambridge (United Kingdom); New York (NY); Geneva: Cambridge University Press; UNHCR, 2003 [Electronic resource] // United Nations High Commissioner for Refugees. — Mode of access: <<http://www.unhcr.org/4a1ba1aa6.html>>. — Date of access: 21.03.2014.
29. Resolution CM/ResDH (2013)198. Othman (Abu Qatada) against the United Kingdom / European Court of Human Rights [Electronic resource] // HUDOC: European Court of Human Rights. — Mode of access: <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-127577>>. — Date of access: 05.04.2014.
30. Sadiq Shek Elmi v. Australia, Comm. 120/1998: UN Doc. A/54/44, at 109 (CAT 1999) [Electronic resource] // WorldCourts. — Mode of access: <http://www.worldcourts.com/cat/eng/decisions/1999.05.14_Sadiq_Shek_Elmi_v_Australia.htm>. — Date of access: 21.03.2014.
31. Sanremo Declaration on the Principle of Non-Refoulement, September 2001 [Electronic resource] // International Institute of Humanitarian Law. — Mode of access: <https://www.google.by/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CC4QFjAA&url=http%3A%2F%2Fwww.iihl.org%2Fiihl%2FAlbum%2Fsan%2520Remo%2520Declaration%2520%2520on%2520the%2520Principle%2520of%2520Non-Refoulement.doc&ei=c3l6UeeDLMastAamoIGgBQ&usq=AFQjCNH8DFBT_wEblrf28JJKJ3tF8WRRw&bvm=bv.45645796,d.Yms>. — Date of access: 21.03.2013.
32. The 1951 Convention Relating to the Status of Refugees and its 1967 Protocol. A Commentary / ed. by A. Zimmermann. — New York: Oxford University Press, 2011. — 1799 p.
33. UNHCR Manual on refugee protection and the European Convention on human rights [Electronic resource] // Refworld. — Mode of access: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/3f4cd5c74.html>>. — Date of access: 21.03.2014.

«Роль Европейского суда по правам человека и Комитета против пыток в создании правовых гарантий для соблюдения принципа невысылки» (Наталья Карканица)

В статье анализируется практика Европейского суда по правам человека и Комитета против пыток, направленная на рассмотрение дел о нарушении принципа невысылки. Автор дает правовую оценку и сравнивает эффективность данных международных органов с точки зрения защиты заявителей от высылки в государства, где они могут подвергнуться угрозе применения пыток.

«The Role of the European Court on Human Rights and the Committee against Torture in Creation of Legal Safeguards Ensuring Respect for the Principle of Non-refoulement» (Natalia Karkanitsa)

The article undertakes the analysis of the practice of the European Court on Human Rights and the Committee against Torture in the cases regarding violation of the non-refoulement principle. The author provides a legal assessment and compares the efficiency of both international bodies in terms of ensuring protection for the applicants against refoulement to the states, where they risk becoming victims of torture.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2014 г.